PG 3321
.B35B6
1854

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1926

Class PGR 2516
Book .A2
YUDIN COLLECTION

БОЯРЫШНЯ НЕСМѢЯНА.

СКАЗКА,

РАЗСКАЗАННАЯ

Иваномъ Ваненко.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1854.

БОЯРЫШНЯ

НЕСМѢЯНА.

Bashmakov, Ivan Ivanovich

БОЯРЫШНЯ
Boiarýshnia Nesmiriana.
НЕСМѢЯНА.

СКАЗКА,

РАЗСКАЗАННАЯ

Иваномъ Баненко.

Безъ разсужденья не твори осужденья.

Русская пословица.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1854.

PG 3321
.B35B6
1854

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Сентября 7 дня, 1854 года.

Цензоръ В. Флеровъ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

БРАТЦАМЪ-ТОВАРИЩАМЪ

и

ПРОЧЕМУ ЛЮДУ РУССКОМУ.

Братцы товарищи! — давно я съ вами не гуторилъ: — первая то наша бесѣда была назадъ тому почитай двадцать лѣтъ. Эхъ! много въ такое время воды утечетъ!.. Вотъ и я постарѣлъ и вы стали не таковы уже, иль какъ по немѣцкому сказать—не такъ вы глядите: у инаго волосы побѣлѣли, а у инаго и

хуже того: и бѣлымъ бы радъ, да нѣтути — лѣзутъ съ гловы, что весною шерсть съ мерина соврасаго; иной сморщился, иной сгорбился; иной, съ нами распростился, въ дальный путь пустился; иной оженился, остепенился, забота взяла, читать неколи; иной просто облѣнился: и деньги есть, и книги есть, и заботы нѣтъ никакой, — да читать не хочется. А иной... ой, ой!... отправился въ ту сторону, — гдѣ ни денегъ не надо, ни книгъ не требуется; туда, гдѣ забота забыта, неспокою покой, гдѣ всякій свой; гдѣ каждому будетъ весело, пріютно, радостно, — если онъ, живучи здѣсь, между насъ, поступалъ по правдѣ, какъ слѣдуетъ...

Уже вотъ какъ я и сказки дяди Пахома, старичка, переписалъ для васъ, лѣтъ десять слишкомъ прошло... Вѣдь тоже, сознайтесь, пора немалая...

Такъ вотъ теперь, сидя, отъ нечадѣлать, дома, — отъ старости, перебираю себѣ на умѣ: все ли, молъ пересказано, что я отъ дяди Пахома слыхалъ;— и вспомянулась мнѣ еще его одна сказка, али розсказня, которую я было совсѣмъ запамятовалъ. — Вы прочли тѣ сказки прежнія, братцы - товарищи, такъ не обѣгайте и этой: она невелика; къ тому-же это дяди Пахома чуть ли сказка не послѣдняя...

Помню, вотъ какъ дядя Пахомъ началъ ее и разсказывать...

СКАЗКА

о

БОЯРЫШНѢ НЕСМѢЯНѢ.

—

«Ну, мои голубчики бѣлые, головки недозрѣлыя!... Вѣдь вы, чаю, за одинъ присѣстъ не ѣдали хлѣба изъ семи печей, какъ мой зять Данило?... То-то, не тѣмъ будь помянутъ, врать-то гораздъ былъ, то-то былъ смышленъ на всякое дѣло побаску загнуть... вѣдь и грамотѣ не зналъ, а возьметъ бывало какую ни-есть книгу, — хоть къ верьху

ногами возьметъ, — и читаетъ по ней какъ по писаному. Иной дивуется: какъ де неумѣлый да такъ бойко потолкамъ отхватываетъ; а я, бывало, грѣшный подумаю: да оно искони такъ: и многіе безъ зубовъ живутъ, а какъ-нибудь хлѣбъ жуютъ, — разскажутъ вамъ небывальщину, и увѣрятъ, что сами въ-очью видѣли, ощупью щупали; а спроси по правдѣ, по душѣ у нихъ, спроси строго, немилостиво, такъ и признаются, что все, разсказанное, чуть не во снѣ имъ грѣзилось.

Грѣшный я человѣкъ, — приврать, прихвастнуть люблю, посмягчить маслепымъ словцомъ правду колючую, — а правда матка по мнѣ дороже всего...Но, какъ говорить правду нелегко, — такъ, чтобы не ссориться съ людьми задорными, — я имъ кое-какія сказки разсказываю... Вѣдь тутъ, хоть и соврешь что, такъ никому нѣтъ и нуждушки: на то она и сказка, что въ ней ложь ни почемъ.

Вотъ вамъ, други сердечные, моя сказка новая, дешевая необидчивая; во рту не загоропитъ, а такъ, развѣ, стапетъ немного съ пригоречью, — какъ патока съ имбиремъ, простая, грошовая, дешевая...

Старымъ словомъ она, эта сказка, строчена, новой рѣчью укорочена; болтовней прежней приправлена, теперешнимъ смысломъ добавлена; — а если спросятъ: гдѣ же, молъ смыслъ? . . . а Богъ его вѣсть, — чай не у насъ мужичковъ, чай у бояръ въ хоромахъ гоститъ. . .

Начинаю сказку старую, бывалую, — вы можетъ ее и прежде слыхивали да не все въ точности, какъ оно есть. — А вотъ мы на досугѣ да подумавши, не спѣша, не мѣшкая — середка на половинѣ — и разскажемъ вамъ ее снова отъ доски до доски... какъ что и когда гдѣ было, и какъ чего никогда нигдѣ и не было. . .

Глядите жъ во всѣ, и слушайте обоими : чтобы намъ , порой , — лжи-тетки не принять за правду-матушку...

Ну такъ вотъ вамъ она и сказка...

О БОЯРЫШНѢ НЕСМѢЯНѢ.

I.

КТО ТАКОЕ БЫЛА НЕСМѢЯНА БОЯРЫШНЯ.

—

Давно то было, — такъ давно, что вишь и былью поросло; — жилъ въ одномъ городѣ бояринъ зажиточный... (А можетъ то и не бояринъ, а торговый гость; да такъ какъ было у него богатство великое, и былъ онъ межъ людьми въ почетѣ большомъ, то и не диво, что его гостя именовали бояриномъ).—

Жилъ онъ честно, дѣльно, весело; себя не маючи, другихъ не обижаючи, то есть, словомъ, жилъ припѣваючи,— хоть бы и нашему брату доведись такъ, и то ладно бы.

И было у боярина того вдоволь всего, чего только душечкѣ хочется: хоромы брусяные со свѣтлицею, сады съ разными яблонями и всякими плодами отличными — даже вишь и заморскими. Богатства въ домѣ — дѣвать некуда: отъ серебра да золота сундуки ломилися,— такъ вишь бывало развалившись и стоятъ, хоть пригоршнями кругомъ обирай. . . А платья цвѣтнаго, кафтановъ вышитыхъ, камки хрущатой, бархату рытнаго,— и прочаго такого, что развѣ во снѣ приснится, а наяву и не увидишь никогда, — всего этого были ворохи, копна-копной!

И хозяйка была у боярина, то есть боярыня, жена его, — этакая бѣлая, статная, полная — лебядь-лебядью; па-

силу бывало въ растворенныя двери войдетъ, — и что ни ступитъ шагъ, то такъ и трещатъ полы кленовые.

Кони у боярина — только рукой махни да и прочь бѣги: такіе ретивые, что взглянуть страшно!... гладкіе, дюжіе, ражіе, — будто на продажу холуемъ откормлены, — любо смотрѣть!

Чего бы, казалось, еще желать послѣ этого?... Кажется, что ни день,— всталъ бы, полюбовался бы на свое житье-бытье, оглядѣлъ бы все, что можно, оглядѣть, — да и залегъ бы себѣ спать до другаго дня; а тамъ бы опять любоваться своимъ добромъ пошелъ — да такъ бы, кажись, сталъ вѣкъ вѣковать, что и умирать бы некогда.

Но, что дѣлать, бываетъ прорѣха и въ кожаномъ кошелѣ, и въ хорошемъ житьѣ-бытьѣ случается что-нибудь нехорошее. Такъ и тутъ сталося: было свое горюшко у боярина богатаго.

А отъ чего-жъ бы такое горюшко? А вотъ я и разскажу вамъ, какъ слѣдуетъ.

Было у боярина съ его боярынею дѣтокъ всего-навсе дочка одна; и была она умная распреумная, прекрасная распрекрасная; ни въ чемъ родителямъ не перечила, всѣмъ была довольна, всего слушалась; одно только неладное было въ ней... упрямство не упрямство, а что-то урочное. Говорятъ это съ ней еще съ тѣхъ поръ сталося, какъ только начала она себя понимать; и, съ-испуга ли то было съ ней, съ-глазу ли — невѣдомо, а только вотъ было что: что бывало новаго ни покажутъ боярышнѣ — нарядъ ли какой, или куклу дадутъ, или книгу дѣтскую съ картинками, — не кинется она съ-разу вдругъ на новое, а осторожно возьметъ, оглядитъ, и если что дурно ей покажется, то и броситъ тотчасъ, а если и не броситъ, то замѣтитъ дурное сей часъ, и похулитъ, не вытерпитъ: «вотъ. скажетъ, тутъ-то и

то-то можно сдѣлать лучше бы. » — И ужъ рѣдко-рѣдко какую вещь похвалитъ не осуждаючи, и возьметъ себѣ и поблагодарствуетъ.

Справедливы ли въ точночти, нѣтъ ли, были охужденія боярышни — неизвѣстно заподлинно; но только видно, что много правды было въ рѣчахъ ея: потому, что самъ бояринъ и боярыня и всѣ ихъ родичи и знакомые называли боярышню умницей. — А, можетъ быть, это съ ихъ стороны было баловство одно.

Вотъ стала подростать боярышня.

Случалось ли вамъ, люди добрые, видѣть, какъ грибы ростутъ?... сего-дня видѣлъ еще только головки однѣ, а завтра ужъ и иди собирать: глядь— ужъ каждый подросъ, вытянулся, и стоитъ подъ шляпкою такой нѣжнинькій, хорошенькій, — что иной бы пожалуй не посоливши съѣлъ.

Такъ точно растутъ и дѣвицы красныя, такъ росла и наша боярышня.

Не успѣли налюбоваться родители ея дѣтствомъ, ея отрочествомъ, глядь — уже и невѣста она; и пора настаетъ разлучаться съ ней, передавать въ чужія руки... И оно, жалко-жалко, а надобно: добрымъ родителямъ грустно бы было не исполнить такого дѣла добраго.

Выросла наша боярышня; стали ей прежде намеки давать, — что, молъ, невѣста она; а потомъ стали и по-настоящему толковать, — что пора молъ ей жениха выбирать.

Вотъ тутъ-то она и показала свой нравъ вполнѣ, тутъ-то и уперлася: «ни за кого, говоритъ, не пойду, ни за кого не хочу за-мужъ идти!»

Чѣмъ больше проходитъ дней, тѣмъ деревцо рослѣй... Пришла пора настоящая, поравнялась наша боярышня и ростомъ и дородствомъ со всѣми невѣ-

стами, которыхъ еще въ-за прошломъ году за-мужъ повыдали.

Сильно такое дѣло кручинило родителей: дочь молъ красавица, а поди ты, за-мужъ нейдетъ!... Иные подумаютъ, женихъ не беретъ, — вѣдь это намъ же великій зазоръ!...

Начали они было дочерь сильнѣе уговаривать, анъ хуже съ нею сталося: была она сначала хоть не то что хохотунья великая, а все-таки весела порой, какъ и всякая молодая боярышня; а теперь, какъ стали ей замужествомъ надоѣдать, сдѣлалась она вдругъ такая грустная, пасмурная, молчаливая, неразговорчивая, — что жаль стало смотрѣть на нее и чужимъ, не только отцу съ матерью.

Прочіе же, другіе сосѣди, кругомъ жившіе, прозвали боярышню *Несмѣяною*, потому-де, что у ней на лицѣ никогда стало усмѣшки не видать.

И пошла ходить молва по городу: «у такаго-то зажиточнаго боярина есть дочь невѣста, — собой недурная, да нравомъ крутая... начиталась, видно, книгъ да и испортилась отъ нихъ: такая задумчивая стала, точно въ болѣзнь-хандру впала; отъ людей бѣгаетъ прочь, и сдѣлалась родителямъ некошная дочь!»

II.

КАКЪ ОТЕЦЪ НЕСМѢЯНЫ БОЯРЫШНИ ПОЖЕЛАЛЪ, ЧТО БЫ ОНА УСМѢХНУЛАСЯ.

—

Дошли такіе слухи до боярина, пуще его раздумье взяло; порѣшился онъ вернуть дѣломъ какъ слѣдуетъ: призвалъ къ себѣ дочь, и высказалъ ей такую рѣчь привѣтную, — что слушай, а не охни, — плачь, а не сохни.

—«Дочка моя милая, жемчужина окатная, изумрудъ дорогой!... Возрастили мы тебя съ женой, то есть съ твоею матерью, а моей супружницей — во всякой нѣгѣ, довольствѣ и роскоши; чаяли отъ тебя пути, хотѣли тебя въ замужство ввести, — дѣло хорошее!... оно и тебѣ въ утѣшенье и намъ старикамъ въ призрѣнье: вы бы-то съ мужемъ смотрѣли, какъ и что кругомъ двора, а намъ бы съ женою и отдохнуть пора; развѣ-бы про насъ забота напала, коли бы вышло у насъ внучатъ съ десятокъ, меньше малъ-мала... Анъ вотъ теперь дѣло идетъ не такъ, попали мы со старухою въ просакъ: родили дочку, а она намъ тошнѣе некошнаго сыночка: не хочетъ она расплетать русой косы, сирѣчь за-мужъ идти. Хочетъ остаться одна сигъ-сигомъ... Этакъ насъ пожалуй и похоронить будетъ некому...

«Вижу я теперь, чего не завидѣлъ

пережъ сего, дѣло неладное: не надо было тебѣ, дочкѣ, повадки давать да самой допускать свое житье выбирать.., вѣдь, что ты теперь творишь, какъ разсуждаешь по твоей смышлености, за это ты будешь послѣ насъ стариковъ карить, бранить, попрекать, что мы тебя оставили несмышленую... А вотъ я теперь хочу и желаю твоей теперешней смышленности толковитаго смыслу додать: выходитко ты за-мужъ да стань сама мать, — такъ тогда и сама поумнѣешь да за это и насъ, стариковъ, поблагодарствуешь.»

«Съ завтрашняго дня созываю я весь Божій народъ, который и далеко, и подлѣ живетъ, — народъ молодой, холостой, неженатый, — чтобы сходился онъ на мой широкой дворъ, да явился бы въ мои палаты ко мнѣ; и тебя выведу и покажу люду православному, и ты тогда на людъ честный посмотри, да коли при этомъ разборѣ кого зави-

дишь по себѣ, усмѣхнешься да подашь ему руку свою, — тотъ и твой; а коли и тутъ не тяга, то я выдумаю уговоръ другой... такъ смотри-жъ... ну, кончено, пошла теперь спать!»

Позадумалась боярышня Милана (она же вѣдь прозвалась и Несмѣяною), крѣпко позадумалась; знаетъ, у родителя нравъ крутой... все молчитъ-молчитъ, а какъ прикрикнетъ да махнетъ рукой,— то ужъ у него и убирайся куда слѣдуетъ.

А не хочется ей, боярышнѣ Несмѣянѣ, выйти за кого ни попало, и опаска ей великая самой себѣ по нраву выбирать.

— А отъ чего жъ, молъ такъ? спросятъ иные люди добрые, — благо молъ велятъ выбирать, такъ и иди за того, кто первый полюбится!

Оно бы такъ и по мнѣ, какъ по ва-

шему, нечего бы тутъ попусту и сказки крюкомъ загибать, — а разсказать бы только, какъ свадьба шла, да гдѣ вѣнчана, да сколько провожатыхъ и какъ они разряжены, да плакала-ль невѣста иль нѣтъ, да веселъ ли былъ женихъ — вотъ бы и концы въ воду, и сказка-бъ вся...

Да-эхъ!...

Щепается, щепается полѣнце березовое — и гладко и ровно и спѣшливо, а вдругъ нападетъ на сучекъ, запнетъ онъ тебя, — надорвешься съ досады, пока опять наладъ дѣло пойдетъ, пока отщепаешь опять лучинку, какъ слѣдуетъ.— Поняли ай нѣтъ?... Да гдѣ вамъ понять: вы, чаю, не только самимъ щепать, — не видывали, какъ она, лучина, и щепается... Не то что моя бабушка, Аксинья, покойница: то-то гораздa была лучину щепать! отъ того бывало у насъ каковъ и свѣтъ въ избѣ:

зажгутъ лучину, такъ куда тебѣ свѣча воску яраго!

Ну да не къ тому моя рѣчь, а вотъ послушаемъ, какъ-то отъ упрямилась отъ отца наша Милана, или бишь Несмѣяна теперь.

Думала, думала она, сидя у окна, да положивши головку на ручку бѣлую... Вишь, молъ, — совсѣмъ бѣда! не знаешь и дѣваться куда: отецъ велитъ, приказываетъ исполнить свое желаніе, мать не заступается, а еще отцу же порой поддакиваетъ!... Вотъ если бы была жива покойная бабушка, — та не дала бы въ обиду, защитила бы горемычную...

А, правду сказать, бабушка-то, не тѣмъ будь помянута, своимъ баловствомъ, чай больше и сдѣлала боярышню Милану Несмѣяною...

Эхъ, боярышни! если что вамъ родители приказываютъ, не хоронитесь отъ ихъ приказа за бабушекъ, — не то станете тотчасъ Несмѣянами.

III.

КАКЪ БОЯРЫШНЯ НЕСМѢЯНА НЕ УСМѢХНУЛАСЯ.

—

Ну-съ, сколько товаръ ни вороши, а коль наѣхали торгаши, надо его имъ показывать...

Чу!... слышно на дворѣ,— то колоколецъ прозвенитъ, то забренчатъ бубенчики, то сабля застучитъ по ступенямъ крыльца... Э! э! — вѣдь это женихи на смотръ съѣзжаются!

Боярышня Несмѣяна мигомъ прочь отъ окна, да съ испугу къ своей нянѣ скорѣй: какъ, молъ, быть, что дѣлать?... Женихи на дворъ понаѣхали; надо къ нимъ выходить... Какъ тутъ быть?

Няня старушка добрая, бабушки боярышниной ровестница. — «Не бойся, говоритъ, дитятко, не выдамъ тебя, моя бѣляночка ненаглядная; утри слезки да одѣнемся; пойдемъ, посмотримъ, что за женихи такіе наѣхали!... Ты батюшкѣ не перечь, выйдь, а сама не робѣй... Гдѣ имъ, женихамъ, взять тебя, мое дитятко: да найдется ли хоть одинъ такой, чтобы стоилъ тебя, наливное мое яблочко!... Ну, а вѣстимо, нестоющему ни отецъ, ни мать не дадутъ тебя, дитятко; да и я, хоть стара, а горой постою за тебя.»

— Да какъ же, няня, мнѣ выйдти къ нимъ?

— Такъ-таки просто и выйдь: вотъ

пойдемъ, надѣнемъ бѣленькое платьице, причешемъ головку да и выйдемъ.

Пошла наряжаться, чтобы женихамъ показаться, боярышня.

Грустна, печальна она, а разъ пять одни башмаки примѣривала; а ужъ о головномъ уборѣ и говорить нечего: то сидитъ негладко, то бантикъ не тутъ, то вонъ-тамъ что-то топырщится... Насилу, на-силу, часа черезъ три вышла къ женихамъ наша Несмѣяна боярышня.

А ужъ бояринъ, родитель ея, давно съ женихами раздобарываетъ,— съ тѣмъ посидитъ, съ тѣмъ постоитъ, съ инымъ пройдется по комнатѣ; да то и дѣло заставляетъ своихъ слугъ гостей подчивать.

И боярыня, родительница, не безъ дѣла себѣ: то толкуетъ съ чьей-нибудь матерью, то съ какой-нибудь теткой жениховой бесѣду поведетъ, а не то съ какой старушкой сестрицей, или просто

съ будущей сватьей раздобарываетъ. . . А рѣчи всѣ къ мѣсту и не къ мѣсту— всѣ идутъ про невѣсту, про Несмѣяну, или, что все равно, про Милану боярышню.

—

Какъ вошла она съ няней своей — такъ все и притихнуло; женихи, что пѣтухи встрепенулися, отецъ съ матерью глядя на нее улыбнулися.

Нечего сказать, не изъ чего и лгать.— Несмѣяна боярышня была чудо дѣвица красавица! — Ростомъ не то чтобы высока, не то, чтобы маленькая, личикомъ бѣленькая, хоть не очень румяненькая; глазки — кто ихъ знаетъ, точно цѣнные камушки, — такъ искры и летятъ отъ нихъ... Стройна и гибка, что тросточка; ножки... да ужъ что говорить: откуда ни окинь глазомъ, только любоваться хочется.

Отецъ говоритъ, обратясь къ женихамъ: «Вотъ это моя дочка, гости дорогіе, господа почтенные!»

И мать молвила то же, да при этомъ не вытерпѣла: подошла къ дочери, поцѣловала ее въ голову, и молвила вполголоса, такъ что слышно было во всѣ углы: «Поправь, душенька, косыночку!»

А няня обвела глазами жениховъ всѣхъ въ одинъ разъ, и, сложивши руки, стала къ дверямъ, да только на свою вынянчиницу и любуется.

Несмѣяна же боярышня, какъ порою ни бойка была, а оторопѣла къ этому случаю... стоитъ да смотритъ, — и не то чтобъ на жениховъ, а просто на полъ глядитъ, руками свой шитый кисейный фартучекъ перебираючи.

Ну, что-жъ дѣлать? — не такъ же все дѣлу быть, не такъ же всѣмъ стоять да другъ на друга поглядывать...

Бояринъ, отецъ боярышни первый къ дѣлу приступилъ за-просто: — «Вотъ, говоритъ, моя дочь; она за-мужъ идти не прочь, — И кто изъ васъ ей понравится, тотъ мнѣ и станетъ зять, долго не станемъ толковать; только вотъ вы сдѣлайте, чтобы она у меня весела была, да разсмѣявшись кому-бъ руку подала.»

А мать Несмѣяны ближе ее подвела, держитъ ее за руки, обняла и на нее любуется.

Женихи, кто побойчѣе, такъ и сунулись впередъ, что ребята на дѣлежъ, и думаетъ каждый: Что за дѣвица краса!

И стали женихи кругомъ Несмѣяны увиваться, всякими манерами ласкаться, — вѣжливо кланяться, сладко улыбаться; и начали къ ней одинъ за другимъ подходить.

Стоитъ боярышня Несмѣяна, молчитъ; только нѣтъ-нѣтъ, взглянетъ мелькомъ

на жениха подходящаго, а ни руки никому не даетъ и не улыбается.

Такъ всѣ женихи до одного прошли мимо ее по очереди.

Одинъ было женихъ, послѣдній никакъ, такой показался смѣшной,—статью ли не вышелъ, лицемъ ли не выдался, али плутъ нарочно дурнемъ прикинулся — и такую умильную уморительную харю состроилъ, подходя къ Несмѣянѣ боярышнѣ послѣ всѣхъ, что она совсѣмъ было уже разсмѣялася,— однако, только легонько пожала плечами да отвернулася, — чуть ли еще и не плюнула.

Поглядѣвши на все это,— мать руками размахнула, старикъ отецъ головой покачалъ; няня молвила про себя: «да тутъ ни одного путнаго!» А боярышня Несмѣяна поклонилась всей честной компаніи, да вынувши бѣлый полотняный платочекъ, и утершись имъ — отъ слезъ ли, отъ поту-ль, отъ устали-ль, кто ее

знаетъ, — обернулась да и прочь пошла; пошла въ свою свѣтлицу дѣвичью, погорѣвать со своею нянею: что вотъ молъ какъ притѣсняютъ меня дѣвицу красную: велятъ насильно жениха выбирать!

IV.

ВЕСЕЛѢЕ ЛИ СТАЛА НЕСМѢЯНА БОЯРЫШНЯ.

—

Проходитъ недѣля со днемъ, или двѣ безо дня, не помню того; отецъ дочери начинаетъ опять свое: «Надо, говоритъ, тебѣ за-мужъ идти!»

Оробѣла ли опять отъ такого намека дочь, испугалася, или уже очень многое объ этомъ дѣлѣ со своей няней пере-

молвила, — только сказала такъ своему отцу Несмѣяна боярышня:

— Какъ вамъ угодно, родитель, такъ и поступайте со мной: я ваше дитя, ваша воля надо мной, — кого выберете, тотъ и будетъ мужъ мой; а выберете ли черезъ меня добраго сына себѣ — не вѣдаю! »

Такъ-то, уже не переча, молвила отцу Несмѣяна боярышня.

Эко! подумалъ тотъ самъ про себя, какую мнѣ штуку дочка задала: будетъ ли зять мнѣ по сердцу!... а оно вѣдь истинно такъ: зять любитъ взять, а отблагодарствовать-то ино со грѣхомъ пополамъ!

И спохватился бояринъ нашъ и опять съ совѣтомъ къ дочери поласковѣе.

— Да ты, глупенькая, постой; ты себя не больно круши: надо чтобъ у насъ вышли барыши да взаимные... Ну, не приглянулся тебѣ ни одинъ женихъ лицемъ, — такъ нравомъ иной каковъ

приглядись, аль умомъ можетъ подъстать подойдетъ... Вотъ я выдумалъ какую штуку теперь, а ты выслушай: возлѣ твоего дѣвичьяго терема есть комната, что въ сѣни-то вышла; она отдѣляется отъ твоей свѣтлицы только тонкою, досчатою перегородкою. Сюда-то я хочу просить жениховъ по очередно на ночлегъ — по двое, или по трое, и что они тамъ будутъ дѣлать, творить, съ какимъ толкомъ о чемъ говорить, ты и послушивай, только тише сиди, что бы не замѣтили, что рядомъ комната есть... Вотъ тогда по ихъ рѣчамъ ты ихъ и нрава и ума допытаешься... Ну? такъ, али нѣтъ?

Извольте, все исполню, какъ прикажете, родитель мой; — молвила Несмѣяна боярышня.

—

И вдругъ идетъ извѣстіе: — Тому де-скать бояринъ свою дочь Несмѣяну

въ замужство отдастъ, кто окажетъ храбрость свою: просидитъ всю ночь въ его въ домѣ, въ темной комнатѣ, хоть вдвоемъ съ товарищемъ, а если забоится, то хоть и двухъ пригласи, — ничего; только не яралашь, не буянь да не говори, чего не слѣдуетъ.

Женихи, услыхавши такую вѣсть, заразъ молвили: тутъ-де штука есть: видно боярышня-то будетъ близко находиться да жениховы рѣчи подслушивать.

И пошли къ боярину одинъ за другимъ, каждый со смысломъ своимъ: кто похвалу-лесть смекалъ сплесть, кто умными рѣчами думалъ боярышню поставить въ тупикъ, кто просто хотѣлъ все дѣло разсказать на-прямикъ.

Ихъ по очереди и принимали и порядокъ давали, и всѣ они перебывали въ темной комнатѣ, и по-двое, и по-трое, — и всѣ ихъ рѣчи умныя и смышленыя ни къ чему пошли, толку не было.

Такъ жениховъ до сотни перебывало, пользы никому ни мало; а только надоѣли боярину.

Наконецъ приходитъ еще одинъ; кажется тотъ, что притворялся смѣшнымъ.

— Я, говоритъ, хочу просидѣть всю ночь въ темной комнатѣ, только не одинъ, а съ товарищемъ.

— А кто же, спрашиваютъ, другой?

— А то-баринъ мой, парень удалой, прозвищемъ Смѣкай — и великій краснобай: если заговоритъ, то, кажется, и мертваго разсмѣшитъ.

Дивуются на него слуги боярина, и спрашиваютъ:

Какъ же тебя самого-то зовутъ! то есть какъ твое имя въ лепортъ занести надобно?

— Барина моего, какъ я сказалъ, Смѣкаемъ зовутъ, а меня Прощелыкою чествуютъ.

— Такъ; да Смѣкай-то слово понятное намъ, знаемъ и сами смекаемъ мы; а вотъ Прощелыка-то что? иностранное что ли прозвище?

— И, какіе вы неразумные!... отъ чего же по вашему это прозвище иностранное, извольте его только съ толкомъ выговорить: *проще-лыка*; ну, какое-жъ оно иностранное?... Это имя мнѣ придано за мою простоту да глупость излишнюю... Простякомъ я на свѣтъ родился, да вотъ и выросъ такимъ, и выростая-то, сказываютъ, все становился простѣй да простѣй: на-что ужъ примѣрно лыко, издѣлье самое немудрое, если свить дрянную бичеву и та штука будетъ хитрѣй, мудренѣй... такъ по-этому-то про меня люди и сложили такъ: что простое издѣлье лыко, молъ,— а ты и простѣе его! — отъ того-то я вышелъ съ такимъ прозвищемъ — Прощелыка.

— Ну, когда такъ, молвили слуги,— просимъ милости!

И отвели темную комнату двумъ молодцамъ.

Входитъ прежде баринъ Смѣкай; провожаютъ его слуги отца Несмѣяны боярышни, оглядываютъ: любопытно имъ посмотрѣть, что за новый женихъ пришелъ.

Глядятъ всѣ — и диву дались: на баринѣ Смѣкаѣ женихѣ — нагольный тулупъ надѣтъ, шапка плисовая и сапоги съ наборами; а плутъ слуга Прощелыка, одѣтъ, хоть бы, пожалуй, и не слугѣ боярскому: въ лаковыхъ сапогахъ, въ шляпѣ, хоть старой да вылощеной за-ново, — и въ мудреномъ кафтанѣ со шнурками да съ пуговками и сзади и спереди.

Отвели имъ слуги комнату, освѣтили ее фонаремъ; показали слугѣ скамью, а его барину диванъ, и потомъ взявши фонарь, оставили ихъ въ потьмахъ съ-глазу-на глазъ однихъ; — и, вышедши, дивятся да шушукаютъ: кто-же молъ

изъ нихъ баринъ, а кто слуга?... вотъ, говорятъ, отгадать-загадка мудреная!

Пришли въ людскую служители провожатые, а сами промежъ себя все объ одномъ раздабарываютъ: кто же, молъ, изъ двоихъ настоящій женихъ? — который изъ нихъ баринъ, а который слуга?

Услышала ихъ переговоры старуха—стряпуха, пересказала сѣннымъ дѣвушкамъ; а тѣмъ тоже, извѣстно, какъ утерпѣть... шептались, шептались, да съ вѣстями такими къ нянюшкѣ Несмѣяны пробрались, и объяснили, что вотъ молъ дѣло такъ и такъ: не чаяли надъ собою такого грѣха, не можемъ изъ двухъ узнать жениха.

Нянѣ, узнавшей это, и по-давно смолчать не въ мочь: дѣло больно любопытное.

Извѣстила она о немъ свою ненаглядную Несмѣяну боярышню.

— Вотъ, говоритъ, голубушка моя свѣтлоокая, — вотъ дождались дива,— наварилъ намъ съ тобою пива твой батюшка. . . Вона какихъ дождались съ тобой жениховъ: одинъ, вишь ты, въ овчинномъ тулупѣ, да еще и не въ дубленомъ, чай; а другой просто въ какомъ-то кафтанѣ заморскомъ оборваномъ, — вотъ тебѣ и женихи !... точно посланы за грѣхи... И одинъ, видишь, изъ нихъ бояринъ, а другой слуга; и бояринъ-то видишь тотъ, что овчиной одѣтъ... вотъ и разбери, который изъ нихъ путный толковый женихъ !

— А что жъ, молвила Несмѣяна боярышня, по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ, говоритъ пословица, — а мнѣ этихъ жениховъ по уму провожать слѣдуетъ.— Да, къ тому жъ, если всѣхъ велѣли впускать, то отъ чего жъ не впустить и того, на комъ овчинный тулупъ: шуба овечья, а душа человѣчья, говоритъ пословица, — такъ значитъ, что никакимъ человѣкомъ, не разуз-

навши ума его, не слѣдуетъ пренебрегать.

— Такъ, такъ, лебедушка ты моя бѣлая, на что человѣка обѣгать... и вѣстимо что иному смотри на рожу, а не на одежу... Вѣдаю, что умъ-то разумъ отличишь ты въ нихъ; да вотъ бѣда: можетъ они окаянные не-умны, а больно хитры только... не шеромыжники ли они какіе, вотъ чего боюсь.

— Ну, няня, услышимъ ихъ рѣчи, такъ и узнаемъ авось; теперь сидика смирно и ни гугу.

А признаться, при странномъ извѣстіи о женихахъ стало сильно разбирать любопытство Несмѣяну боярышню: мерещится ей все послѣдній смѣшной женихъ — такъ вотъ ей на него плюнуть и хочется; а подумаетъ, подумаетъ, поразмыслитъ хорошенько — такъ онъ ей какъ будто и по нраву придетъ: можетъ, молъ онъ и уменъ, можетъ быть, онъ-то и есть суженый!. Иной дотолѣ

уродъ, пока не разинетъ ротъ; а какъ заговоритъ, то по неволѣ понравится...

И многое, многое, передумала себѣ на умѣ боярышня.

Да, вѣстимое дѣло: если уже и у нашего брата, старика, мысли порою далеко высоко носятся; то у молодой дѣвицы — красавицы— чай и невѣсть куда мысли просятся.

V.

КАКЪ ДВА ХИТРЕЦА ЗАТѢЯЛИ РАЗСМѢШИТЬ НЕСМѢЯНУ БОЯРЫШНЮ.

—

Вотъ какъ всѣ поугомонились въ домѣ, поуспокоились; всѣ спать полегли да и заснули таки, какъ и всѣ люди незаботливые спятъ первымъ сномъ. — Няня Несмѣяны боярышни такого храпу на этотъ случай задала, что будто съ недѣлю не спала. — Ужъ боярышня Нес-

мѣяна съ ней измучилась: и окликала ее и поталкивала, и за носъ четырежды тихонько трясла: говорятъ, видите, отъ этого храпѣнье унимается; — куда тебѣ! храпитъ наша старуха во всю ивановскую — да и все тутъ.

Несмѣяна боярышня даже разсердилась на нее; отвернулась къ стѣнѣ, а старуху такъ и оставила.

И думаетъ себѣ-на-умѣ Несмѣяна боярышня: авось я по голосу или по рѣчамъ различу отъ слуги боярина: ужъ непремѣнно слуга будетъ его величать— или чиномъ какимъ, или по имени и отечеству; а тотъ слугу будетъ человѣкомъ называть, — и рѣчи боярина, должно полагать, будутъ разумнѣе рѣчей слуги...

И стала дожидаться наша боярышня, прислушиваться, — когда они разговоръ начнутъ. — Вскорѣ и услышала.

Одинъ голосъ говоритъ: «Вы вздремните прежде, дядюшка.»

А другой въ отвѣтъ: «Нѣтъ, Филя, братъ, я ужъ послѣ тебя успокоюся; обоимъ вмѣстѣ неладно заснуть: мнѣ что-то мерещится чудное: вотъ около нашей стѣнки — точно кто-то ѣдетъ, или кого-то везутъ... даже стѣна трясется, точно и ей боязко.»

Няня все продолжаетъ храпѣть; боярышня Несмѣяна и позабыла про нее, а продолжала съ любопытствомъ прислушиваться къ рѣчамъ разговаривающихъ.

— *И*, дядюшка, — молвилъ опять первый голосъ, — кого тамъ везутъ: это знать сухой горохъ да сухою ложкою трутъ, обѣдъ готовятъ къ завтрему; вотъ отъ этого и дрожитъ перегородка деревянная.

— Какъ ты себѣ тамъ хочешь, молвилъ второй, а мнѣ что-то не спится,

робѣется — кинуло въ потъ, голова что ледъ, а языкъ-хоть выжми.— Придется, видно, всю ночь не спать; давай ее такъ коротать.

А какъ ты ее, дядюшка, укоротаешь? точно ночь на ночь не приходитъ...

— Мало ли что? Да что впрочемъ калякать о томъ, чего нѣтути. — Давайко лучше, на-досугѣ да въ тиши, покалякаемъ отъ души, порастолкуемся о томъ, что когда было, а, пожалуй, и о томъ, чего когда не было; теперь же если и соврешь что,— не бѣда: вишь какая потьма!— случись солгать, такъ что и въ краску ударитъ — никто не увидитъ, и солгалъ ты, али нѣтъ, не догадается.

— Да о чемъ же мы станемъ толковать, дядюшка?

— Э, безтолковый! о чемъ толковать! да что въ голову придетъ, пусть каждый и вретъ, — лишь бы мало-мальски

на правду смахивало, да лишь бы не сболтнуть чего такого, какъ говорится... въ постный день не куснуть скоромнаго...

— Не знаю, дядюшка, съ сего начать... развѣ для первоначала загадку загадать?

— Ну что жъ, и это ладно; загадывай, лишь съ толкомъ да складно; а хоть и смыслу не будь, по мнѣ все равно: сказалъ, что теперь темно, — такъ тутъ-то и раздолье загадкамъ, въ которыхъ порою смысла нѣтъ.

— Загадай инъ, дядюшка, ты напередъ; а я пока другую придумаю: говорятъ: загадку выдумать самому — дѣло мудреное; а чужую, выдуманную сказать — дѣло пустое, никому ненужное.

— А ну, все равно; пожалуй я загадаю впередъ. — Ну, слушай же хоть однимъ ухомъ, а отвѣчай такъ, какъ будто слушалъ обоими: — шелъ одинъ

мужичокъ на торгъ, а другой съ торгу, — въ комъ изъ нихъ было больше толку?

— Мудрена твоя загадка, дядюшка.

— Ну отвѣчай же что-нибудь на нее, такъ и пойму, смышленъ ли ты, чтобы мнѣ было изъ-за чего съ тобою раздобарывать, а не то братъ, Филя, правду сказать: по моему — коли не съ кѣмъ умнаго потолковать, такъ ужъ лучше молчать.

— Такъ, дядюшка; да твоя загадка, хоть и сказана гладко, а смыслъ-то у ней шишковатъ... Если я самъ такую жъ тебѣ смастерю, — ты захочешь ли ей толкъ дать?

— Смастери, смастери!... отъ чего жъ и не такъ: коли мастеръ мастеру ровестникъ ремесломъ, то и дѣло гладко идетъ. Ну, говори инъ твою загадку разумную.

— Она не то что разумная, а почитай такая жъ, какъ и твоя; толку не доберешься въ ней... вишь: одинъ мужичекъ много ѣлъ и пилъ, а другой много пилъ и ѣлъ, — такъ кто на кого изъ нихъ больше глядѣлъ?

— Гмъ! ладна загадка, только и впрямь обѣ онѣ такія же безтолковыя, какъ и мы съ тобой. — Ну инъ пусто ихъ! пусть кто хочетъ, ихъ и разгадываетъ; давай о чемъ другомъ покалякаемъ. — Вотъ, къ примѣру, не видывалъ ли ты или самъ не творилъ ли чего такого дивнаго мудренаго, чего иному и во снѣ не грѣзилось?

— Не могу теперь ничего хорошенько припомнить заподлинно... впрочемъ одно осталось въ памяти... Какъ когда еще я у фельдшерныхъ дѣлъ подмастерья мальчикомъ жилъ, — брить-то самъ не брилъ, а только при этомъ дѣлѣ свидѣтелемъ былъ, — такъ я однажды такъ знатно бритву наточилъ, — что она за

одинъ пріемъ выбрила двумъ мужичкамъ знахарямъ бороды и головы, да двоимъ молодцамъ — удальцамъ усы, — которые носили они не по нуждѣ, а ради красы. . . А и усы же были прещетинистые.

— Эко, бритва! это еще дѣло не крупное: я, братъ Филя, и не такую штуку сдѣлалъ разъ: я косу наточилъ — такъ куда она и бритва твоя!... Слышишь, вотъ было какъ: наточилъ я ее, косу-то, да вижу, что больно остра, такъ побоявшись притронуться, взялъ и повѣсилъ на сукъ супротивъ солнышка; дай молъ острота-то пообтаетъ маленько, такъ и возьму домой... анъ тутъ и сталась бѣда: кто мимо косы ни пройдетъ, она, тѣнью-то своей такъ каждому ноги и подрѣзываетъ...

— Ну, дядюшка, если это ты самъ, говоришь, дѣлалъ — дѣло хитрое... признаться совѣстно, а что-то не вѣрится.

— Вотъ ужъ и не вѣрится! вѣдь тому не вѣрится, чего не видится, а увидишь такъ и скажешь: да, молъ, точно такъ! — Вспомни-ко, не привидывалъ ли ты на своемъ вѣку чего такого чуднаго, отъ чего-бы иной на твоемъ мѣстѣ диву дался?

— Какъ же не привидывать... Видѣлъ я разъ, бывши маленькимъ, мальчуганомъ еще, — человѣка видѣлъ такого рослаго, что онъ кровлю своей избы крылъ съ земли, не взлѣзая на лѣстницу...

— Гм!—это не штука, братъ Филя,— за-частую бываетъ: иной парень рослый, большой, а изба у него маленькая, низенькая... Нѣтъ, я видѣлъ на своемъ вѣку такого человѣка рослаго, что и мѣры ему не было: такъ, что онъ самъ бывало, какъ захочетъ расчесать себѣ бороду, то не могъ до нее иначе добраться, какъ взлѣзши на лѣстницу.

Неужто, дядюшка, бываютъ такіе люди высокіе?

Еще бы нѣтъ: въ-старь, говорятъ, такіе, видишь, великаны были, — такъ трудно понять, какъ земля ихъ только выдерживала да подъ ними не проваливалась: вонъ, сказываютъ, какой великанъ нѣкогда жилъ: — пойдетъ, видишь, бывало онъ на рынокъ, за огурцами тамъ, али за телятиной — и если ему въ слѣдъ глядѣть, такъ онъ только-только на четвертый день изъ глазъ скроется, хотя идетъ не останавливаясь; такое ужъ видишь было дородство въ немъ.— Такъ величина-то' Филя, не диво еще; нѣтъ ли у тебя чего такого показистѣе.

— А то вотъ еще, дядюшка, видѣлъ я чудо какое; былъ у насъ на селѣ мужичекъ... у него такой голосище былъ, такое горло широкое, — что онъ съ одного берега на другой, черезъ Волгу, собакъ скликалъ, . . и какъ заголоситъ

бывало съ одного берега, то малое суденышко, попадись оно на-супротивъ, отъ его громаздкаго голоса такъ на рѣкѣ и плещется, такъ и плещется, — чуть не захлебывается.

— Ну такъ я тебѣ и на это почище скажу: — былъ у насъ на селѣ парень, вотъ такъ голосина былъ, кажется, и теперь такихъ нѣту, да и не было встарь...коли бывало ему надобно какую книгу, али грамоту всеголосно читать,— то ужъ двухъ мужичковъ такъ съ лопатами у дверей и ставили, чтобы лишній голосъ выкидывать: а то, видишь-ли, никакъ не умѣстится въ хоромин̂ѣ... Да, вотъ такъ штука!... нѣтъ ли еще по сильнѣе чего?

Да ну, дядюшка, извини меня: зналъ я много побасокъ, а ты, видно, болѣ того, — воля твоя, я еще ничего не могу выдумать.

— Какъ же быть : вѣдь все еще спать-то не хочется...

— Такъ развѣ по пѣснѣ спѣть, аль по сказкѣ сплесть, чтобы хватило до утрева ?

— Нѣтъ, Филя, пѣсню заголосишь, распоешься — переборобошишь всѣхъ... къ тому же вѣдь — сказка складка, а пѣсня быль; а вѣдь за-частую не всякая-то быль весела идетъ. . . Такъ лучше сказку выдумай; только по-безтолковѣе какую нибудь, — чтобы подъ-нее легче заснуть.

— Что же въ ней, дядюшка, про себя, или про другаго разсказывать ?

— Говори, какъ знаешь... Впрочемъ про другаго кого-лучше по мнѣ : вѣдь если все про себя одного станешь раздобарывать, — то что лишнее приплетешь и не повѣрятъ, скажутъ солгалъ.

— Инъ ладно. — Скажу я тебѣ исторію про одного человѣка, Ѳому выки-

дыша, — и какое онъ про себя намъ молодымъ робятамъ диво поразсказывалъ...

— Ну вотъ и дѣло. — Изволь начинать.

—

Ну, дядюшка, слушай, молвилъ разскащикъ:...

А дядюшка ни гу-гу на это — давно спитъ себѣ.

Да и боярышня Несмѣяна започивать изволила.

Тѣмъ пребыванье жениха Смѣкая съ его слугой Прощелыкою — на этотъ разъ и покончилось.

—

Только надо правду сказать, — понравились ли нѣтъ ли ночные разсказы

Несмѣянѣ боярышнѣ, невѣдомо, только то извѣстно, — что она, проснувшись утромъ, долго мѣрекала себѣ на умѣ: который былъ настоящій женихъ, — и который изъ нихъ былъ просто — Филя, а который дядюшка...

VI.

ДРУГОЙ УГОВОРЪ КАКЪ РАЗСМѢШИТЬ НЕСМѢЯНУ БОЯРЫШНЮ.

—

На утро ранымъ ранехонько зовутъ къ отцу Несмѣяну боярышню.

— Что? какъ? — говоритъ онъ, — что, дитятко?... Вотъ вчерашняго числа послѣдніе женихи были у насъ, — вѣдь и то сказать: ихъ не пекутъ про-насъ...

Про жениха говоръ идетъ: можетъ, невѣста и не родилась еще, когда ему уже и жениться пора... Чай слыхала пословицу: «невѣста родится, а женихъ на конь садится... «Такъ ужъ если невѣстѣ время за-мужъ выходить, то тутъ про нее нарожденья жениховъ ждать нечего!...

Такъ какъ же ты, кого изъ жениховъ себѣ въ мужья выбрать намѣрена?... Кто изъ нихъ показался тебѣ по обычаю?...

Вотъ, возьмикось — вотъ тебѣ мой писецъ настрочилъ грамотку, или лепортъ, что ли, по ихнему, — тутъ значится кто и когда былъ у насъ, тутъ имена ихъ понаставлены... Выбирай же живѣй!

— Нѣтъ, батюшка родитель, — не могу выбирать, отвѣчала Несмѣяна боярышня, — ни одинъ изъ нихъ не по праву мнѣ; — таить нечего.

Старикъ, отецъ Несмѣяны инда ногами затопалъ съ досады.

— Да ты, говоритъ, видно съ ума сошла! . . . Ну какого жъ тебѣ рожна еще?...

— Да что жъ ты, батюшка, сердишься да себя тревожишь попусту, — молвила грустно Несмѣяна боярышня;—Ну выбери кого хочешь самъ, — и прикажи за него идти; я пойду, дѣлать нечего.

Опять стало жалко отцу дочку свою, опять онъ съ нею заговорилъ ласково.

— Такъ инъ скажи, чѣмъ же тебѣ не по-нраву они? чѣмъ? ... неразумны чтоль, или какой другой изъянъ въ нихъ есть? . . . растолкуй, такъ я, пожалуй ни слова: такъ и быть, еще время, переждемъ да новыхъ соберемъ.

— Да что, родитель, и новые-то, чай, будутъ не лучше ихъ.

— Вотъ тебѣ разъ !... не видавши коритъ!—да ты-то въ самолъ дѣлѣ что-жъ, ты-то что же такое за нѣщечко ? . . . вѣдь хороша . хороша — а все-таки не ахти-мнѣ!.. Вѣдь все таки и лучше, чай, на бѣломъ свѣтѣ найдутся.

— Какъ же мнѣ быть съ собой ?... У меня отъ дѣтства правъ прямой : сказать вотъ про такого-то, что онъ всѣмъ хорошъ, — если скажу, непремѣнно солгу: непремѣнно есть въ немъ что-нибудь нехорошее, хотя бы онъ былъ дѣйствительно лучше другихъ...

А коли сказать тебѣ , батюшка, поистиннѣ , — мнѣ хочется не только, чтобы за мужемъ быть, а желается и тебѣ своимъ замужствомъ угодить : чтобы послѣ ты и самъ сказалъ: «вотъ, молъ, умѣла выбрать : — и ей и мнѣ по праву пришелъ !»

Бояринъ задумался; потомъ опять началъ рѣчь.

— А если ужъ у тебя помыселъ такой, то посовѣтуй, какъ же быть, — какимъ же способомъ жениха добыть такого, какого по твоему разсужденію слѣдуетъ?

Боярышня тоже призадумалась. Видитъ, что надо потѣшитъ отца, — да ужъ пора, молъ, чтобъ и сказка дошла до конца: не то надоѣшь ею и другимъ Несмѣянамъ боярышнямъ.

Вотъ, говоритъ, батюшка, вотъ что я пока вздумала, — приложи свой разумъ къ моему уму, — и, буде можно, такъ и сдѣлаемъ...

Прикажи ты всѣмъ женихамъ опять при тебѣ ко мнѣ приходить; прикажи имъ опять забавлять, веселить меня, — да только такъ, чтобы увеселеніе было умное... Пусть кто чѣмъ можетъ, умѣетъ, тѣмъ и позабавитъ меня... Вѣдь не

все только бываетъ смѣшно лице, или ужимки, или слова, или рѣчи двусмысленныя, — и кромѣ словъ есть, чѣмъ можно человѣка въ веселость привесть, или доставить ему забаву утѣшную, — а иногда еще и съ занятнымъ умнымъ поученіемъ...

Вонъ напримѣръ издѣлье одного мастера, которое подарилъ ты мнѣ, наводитъ на меня веселье невольное, сама не знаю почему...

Помнишь ли, изъ камня бѣлаго мраморнаго мальчужечка-крошка выточенъ: одну ручонку онъ къ улью протягиваетъ, а другою грозится бабочкѣ,— что подлѣ, на цвѣткѣ сидитъ,—чтобы та про него пчелкѣ не сказывала... Такая у этого мальчужечки рожица плутовская, веселенькая, миленькая — вотъ будь онъ живой — не утерпишь кажется, чтобы не расцѣловать его и не посмѣяться съ нимъ...

Бояринъ не понялъ толкомъ рѣчи своей дочери; а только, тяжко вздохнувши, вымолвилъ:

— Охъ, мальчужечки, мальчужечки!.. Все-то у васъ, молодыхъ боярышенъ, въ глазахъ мальчужечки!... То-то вотъ и есть: выйди-ко поскорѣй за-мужъ, такъ и будутъ — у меня внучата, а у тебя мальчужечки... Эхъ, глупенькая, я изъ этого только съ тобой и маюся!

Ну ладно, ладно; быть по твоему: созову знакомыхъ, родныхъ, стариковъ сѣдыхъ, да съ ними посовѣтуюсь; объявлю женихамъ, чтобы являлись къ тебѣ съ разными разностями. — Авось и въ правду иной штукарь разсмѣшитъ тебя, хоть на балалайкѣ заиграючи.

Такъ разстались отецъ съ дочерью, и пошли каждый свое обдумывая: одинъ-какъ родичей собрать да про дѣло растолковать, а другая — что-то выйдетъ-

молъ: потрафить на ея вкусъ, найдется-ль у кого смышлености...

—

На другой же вечеръ, чтобы долго не откладывать, созываетъ отецъ Несмѣяны боярышни къ себѣ родныхъ и знакомыхъ своихъ, стариковъ сѣдыхъ— попарно съ ихъ старушками; а у кого таковой не нашлось, тотъ и одинъ пришелъ.

И объявляетъ, и разсказываетъ имъ отецъ Несмѣяны, чего онъ хочетъ и чего его дочери желается... и проситъ совѣта, какъ уладить это: какъ выдать за-мужъ дочь, чтобы она послѣ отъ мужа не бѣжала прочь, — чтобы онъ ей понравился.

Старики мѣрекали, мѣрекали—и ста-

рушки то-жъ; старики жениховъ расхваливали, а старушки за невѣсту горой: «Что-жъ, говорятъ, она разумница, сама хорошо понимаетъ все... да и надо дѣло сказать: не подумавши много, нельзя выбирать: на какого мужа нападешься... отъ инаго, случается, хоть за три-девять земель бѣги!...

Кое-кто изъ старичковъ, вслушавшись въ такой намекъ, обидѣлись, и горячій было споръ завели, — да спасибо одна старушка смышленая слова въ три все дѣло покончила, скрасила, молвивши: «Хорошо, коли-бъ такой муженекъ выдался, какіе у насъ: все дѣлимъ вмѣстѣ — и горькое и сладкое,— да такъ-то вотъ и вѣкъ избываемъ, а другъ съ другомъ не расходимся.»

Ну, какъ тамъ совѣтники и совѣтчицы ни толковали, — а порѣшили исполнить желаніе боярышни Несмѣяны точь-въ-точь по ея приговору; и вотъ

при томъ присудили какъ поступить: на три отряда жениховъ раздѣлить: одни пусть пробробуютъ счастья своимъ ремесломъ, другіе—большимъ числомъ да смышленостью; а третьи пусть нарядомъ возьмутъ...

И стало раздѣлили жениховъ: на трудолюбивъ дѣльцовъ, суженыхъ хитрецовъ, да ряженыхъ щеголей-удальцовъ. — Тѣмъ при томъ и покончили, что ужъ теперь Несмѣяна такъ не останется, — ужъ который-нибудь ей приглянется!...

Вѣдь, что же вы думаете, люди добрые, — оно такъ и сбылось!... То-то и есть правда всегдашняя, искони правда вѣковѣчная: будь старъ-человѣкъ ни ученъ, ни сильно уменъ, — а на дѣло трудное можетъ подать совѣты мудрые.

— «Отъ чего же оно такъ?» спроситъ

иной молодой задорливый;— да отъ того, добрый молодецъ,— что въ жизни разъ обжегшись на молокѣ, будешь и на воду дуть... Молодой спѣшитъ, бѣжитъ по пнямъ, по буграмъ не разбираючи, не оглядываючись; а старъ-человѣкъ съ посошкомъ идетъ: опирается онъ имъ да ощупываетъ: ладно-ль мѣсто, ступить можно ли... да такъ и бредетъ себѣ легохонько; а вѣдь тише ѣдешь, дальше будешь, говоритъ пословица, и всякій ту пословицу знаетъ, да не всякій ее исполняетъ...

—

«Эхъ! опять растолковался не о томъ!» молвилъ дядя Пахомъ, — видно подъ старость становлюся все болтливѣе... Надо поскорѣе сказку коротать...

VII.

КАКЪ ОПЯТЬ ЖЕНИХИ СТАРАЛИСЯ РАЗСМѢШИТЬ НЕСМѢЯНУ БОЯРЫШНЮ.

—

Выбрали старушки день — такой себѣ, по нихъ само-счастливый, и объявили, чтобы непремѣнно въ этотъ день всѣ женихи приходили — и во-первыхъ женихи отдѣла перваго: молодцы трудовые-дѣльцы.

Наступилъ день; началось представленіе.

Вошли прежде люди ремесленные.

Первый мастеръ нѣмецъ пекарь-пирожникъ, какой-то смѣшной пирогъ приволокъ: — нись пирогъ, нись коровай, нись кулебяка, — нись коврига пряничная!... говоритъ, что пирогъ, — а кто его знаетъ, что за съѣстное испекъ!... да, говоритъ притомъ: «Это я нарочно такъ сдѣлалъ, чтобы вышелъ пирогъ-яралажъ!... Это дѣло, должно думать, смѣшное, потому что небывалое.»

Показали пирогъ Несмѣянѣ баарышнѣ; она на это вымолвила:

— Это не смѣшно, а дурно: потому, что надъ хлѣбомъ-солью смѣяться грѣхъ!»

Тутъ пришелъ какой-то сапожникъ... да хоть ужъ и не нѣмецъ, — однако ухитрился-таки: смѣшные сапоги сшилъ, — оба на одну ногу... Вотъ-де-скать, кто обуется, будетъ смѣшно: та и другая нога покажутся лѣвыми... такъ, что если надѣть иному неразумному, то ему и ступать нельзя.

Несмѣяна и на это молвила... «Это только-что глупо, а не смѣшно ни крошечки: мастеръ долженъ знать, какъ и что работать; да еще и то долженъ помнить себѣ: что если онъ принесетъ такіе сапоги къ какому-нибудь закащику азартному, — то тутъ не то что смѣхъ, а будетъ потѣха одна, да и то не ради сапожника.

—

Портной одинъ, видно, то-же смышленъ былъ, — принесъ свое издѣлье и

лепортуетъ такъ: «Это вотъ несмѣшное, а модное... Въ разумной сторонѣ, дальней отъ насъ, этимъ любуются...»

И показалъ кафтанъ — преуморительный!... широкъ-то онъ широкъ, и кисточки есть спереди, да покрываетъ только плечи, доставая по-поясъ, — а *внизу ничего нѣтъ*, — развѣ, что у инаго торчатъ тамъ отъ другаго платья фалдочки... И какъ надѣнетъ на себя этотъ кафтанъ какой человѣкъ, то и станетъ точно ходячій шалашъ.

Несмѣяна и на это отвѣтъ дала;

«Пожалуй оно и смѣшно, да коли модное, то можно приглядѣться къ нему такъ, что и смѣяться не станешь... Къ тому же модное—смѣшное, переходчиво: поносятъ-поносятъ да скоро и бросятъ, только истраченныхъ денегъ будетъ жаль. Такъ какой же тутъ смѣхъ?...

Такъ-то отъ многихъ искусниковъ рукомесленниковъ боярышня Несмѣяна отдѣлалась тѣмъ, что умѣла несмѣшное найти во всемъ.

—

Ну, дѣлать нечего: ремесленная часть не удалась;—стали выходить иные мастера, что зовутъ себя художниками,— и начали показывать Несмѣянѣ свои издѣлія.

Одинъ смышленный мазило картину принесъ своего составленія...

Напишу, подумалъ онъ, картину такую смѣшную, какія кто-то писалъ, въ иностранной землѣ аглицкой... на тѣ, видишь и старикамъ безъ смѣху нельзя смотрѣть, — такъ и на мою, только

взглянетъ боярышня, то и покатится со смѣху...

Слышалъ-то онъ правду, что въ землѣ аглицкой одинъ человѣкъ точно писалъ такія картины, что и самый степенный не выдержитъ, чтобы его смѣхъ не разобралъ... Да дѣло-то въ томъ, видите, чтобы въ такой картинѣ было все и смѣшно и умно — да и мужичку, что боярину понятно бы... А онъ, грѣшный, не смекнулъ, видно, въ чемъ тамъ настоящій смѣхъ-то кроется, — взялъ да и намалевалъ рака къ верьху ногами, — да и думаетъ, что на эту его картину всѣ расхохочутся. — «Нѣтъ, сказала Несмѣяна боярышня, взглянувъ на малеванье его, здѣсь не смѣхъ, а досада беретъ сильная, что безтолковый маляръ да вздумалъ сдѣлаться толковитымъ художникомъ.

Явился другой — еще смышленѣй... Накаталъ онъ большую книгу какую-

то ; — пресмѣшная , говоритъ. — Сказку-ли какую-то смастерилъ, али комедію, али такъ себѣ веселый разсказъ сгородилъ съ небывалыми приключеніями, — «вотъ, говоритъ, боярышня натѣшится: здѣсь что ни слово — надорвешь животики!... Я когда сочинялъ, то самъ хохоталъ, — умора да и все тутъ!»

Посмотрѣла на книгу огромную Несмѣяна боярышня, покачала головой и сказала такъ: «Можетъ быть, твоя оная исторія и смѣшна и уморительна — да длинновата черезъ-чуръ уже: вѣдь если все смѣяться отъ ней съ перваго листа до послѣдняго, то ни у какого человѣка и веселости не хватитъ на это. А къ тому-жъ, пусть бы и хватило силъ смѣяться битыхъ два часа, — неладно: кто со стороны посмотритъ, то такого хохотуна за дурня почтетъ. Вѣдь надо вѣдать тому, кто смѣшное задумалъ писать, — чтобы было оно смѣ-

шно, да было бы тамъ, надъ чѣмъ и позадуматься.

Такъ-то отдѣлалась Несмѣяна боярышня отъ жениховъ перваго отдѣла; такъ она ихъ отдѣлала, — что, можетъ, изъ нихъ и были какіе, оставались со своими умными издѣльями, да побоялись къ ней представиться: осмѣетъ, думаютъ, голову срѣжетъ, — а вѣдь не разсмѣется сама!...

А именно таки мастера-то хорошіе и остались, и пошли домой своихъ дѣльныхъ трудовъ не показывая; а, быть можетъ, и стоилъ утѣшной похвалы иной, — да вишь дурней пустили они впередъ себя; а кто глупѣй, тотъ бойчѣй добиваться похвалы себѣ... Оно не всегда, а нерѣдко такъ случается.

Есть, бываетъ иной и такой, что коли смастерилъ что по своему художеству ладное, да самъ ему отъ души радъ и

умѣлъ самъ по правдивому оцѣнить его, — такъ тотъ не спрошаючись, не совѣтаючись, — развѣ съ самоблизкими перекинувъ про свое издѣлье словца два-три, ради бодрости, — рѣмжетъ себѣ на прямую дорогу не протоптанную: ему лѣсъ ли, гора ли — все улица! — Онъ знай себѣ идетъ, а передъ нимъ только все разступается. Такъ вѣдь много-ль на свѣтѣ бываетъ такихъ, и по скольку народится ихъ и во сто лѣтъ!... Да и то еще сказать надобно: понесъ ли бы такой мастеръ баярышнѣ Несмѣянѣ свое издѣлье казать? — Онъ въ женихи не охочь: ему его издѣлье — вотъ его и жена, вотъ его и родичи, и потомство все!...

Да, то люди иные, на нихъ надо подивиться только издали, — хоть они тѣ же люди, буде рядомъ присядутъ съ тобой, и ничѣмъ ты не отличишь ихъ: тоже два уха, тоже двѣ руки, такъ-же и носъ между пары глазъ тор-

читъ, — какъ и у всѣхъ это водится... А поди, кому это вѣдомо, что внутри у нихъ много больше, чѣмъ снаружи кажется.

Ну, да что, впрочемъ, и вамъ и мнѣ грѣшному до этого; вотъ поразскажемъ лучше, какъ и что съ Несмѣяною, то дальше шло.

—

Отдѣлавши такъ первый отдѣлъ, стала Несмѣяна боярышня принимать жениховъ суженыхъ, — тѣхъ, которые разсмѣшили бы ее какою-нибудь хитростью, аль смышленостью...

Стали молодцы представляться и стали разнымъ маперомъ чудить, — чтобы заставить ее засмѣяться да кого, нибудь изъ нихъ полюбить.

Первый, какъ вошелъ, такъ отъ самаго порога и запрыгалъ на одной ногѣ, какъ сорока.

Боярышня не улыбнулася.

Второй отъ двери до Несмѣяны на четвереньках ъ поползъ.

Боярышня даже отвернулася.

Третій вошелъ, и давай было кувыркаться.

Боярышня велѣла его вонъ прогнать.

Четвертый, видя, что дѣло не ладно, — просто такъ вошолъ: поклонился, постоялъ, да съ тѣмъ и ушолъ.

Такъ и многіе такіе молодцы-проходцы являлися, — кто со штукой, кто съ уловкой, — кто такъ, какъ парень ловкой, — а кто съ хитростью

безтолковою: что коли молъ рыломъ не вышелъ, то хоть ростомъ взять; а всѣ ничего не добилися.

—

Начали появляться третьяго разбора женихи — ряженые...

Сперва все тѣ входили, которые думаютъ, что будь себѣ человѣкъ хоть глупъ, хоть старъ черезъ чуръ, — да подкрасивши себѣ волосы, женихомъ назовись — такъ вотъ ему всѣ и станутъ улыбаться да кланяться... Или иной повытретъ себѣ лице притираньями, пригладится, припомадится; натянетъ кафтанчикъ въ натяжку и прочее; понавѣситъ себѣ цѣпочекъ къ часамъ, унижетъ пальцы кольцами, — да выпуститъ бѣлые брыжжи изъ-за рукавовъ и изъ-за шиворота, — то есть словомъ

станетъ такой франтъ — руки въ карманы сапоги въ рантъ — что ужъ какая бы тутъ ни была дѣвица красавица, только стоитъ ему взглянуть на нее — не устоитъ никакъ: скажетъ, докажетъ своей улыбкою, что женихъ ей по сердцу...

Анъ и эти женихи въ расчетѣ ошиблися: боярышня Несмѣяна, не улыбаючись, глядѣла на нихъ такимъ взглядомъ, какимъ глядятъ взрослые люди на гороховое чучело.

Ну, подумали прочіе, видно и тѣмъ не возьмешь ее!...

Такъ-инъ одѣнемся-жъ, не какъ лучше, а какъ чуднѣй: давай понадѣваемъ наряды святочные; авось безъ хохоту дѣло не обойдется тутъ: извѣстно дѣло, что святочные наряды на то и выдуманы, чтобы людей смѣшить.

И точно: такъ и нарядилися.

Одинъ овчинный тулупъ вздѣлъ на выворотъ, шапку въ зубы взялъ, и подошелъ къ Несмѣянѣ боярышнѣ на корточкахъ, — точно собачка ученая.

Кажись бы и смѣшно; а не смѣется Несмѣяна боярышня.

Другой рожу себѣ расписалъ разными красками, и усы сажей вывелъ, — и скорчилъ такую образину, что просто смѣхъ.

Но не улыбнулась Несмѣяна боярышня.

Третій окутался рогожей, опоясался лыкомъ, надѣлъ на голову кулекъ, а поверьхъ его воткнулъ-мочалку разсыпчатую; да еще прицѣпилъ съ боку себѣ чапельникъ, или сковородникъ чтоль,— и, вытянувшись какъ жердь, отдалъ честь Несмѣянѣ боярышнѣ...

Все не смѣется она.

И много такихъ чудныхъ, смѣшныхъ жениховъ ряженыхъ приходило къ Несмѣянѣ боярышнѣ; и всѣ какъ приходили уродами, такъ уродами и вышли отъ ней; ничего имъ получить хорошаго не пришлось за это.

VIII.

КТО ЖЕ И ЧѢМЪ РАЗСМѢШИЛЪ НЕСМѢЯНУ БОЯРЫШНЮ.

—

Дошло дѣло до нашихъ проворовъ, — до Смѣкая боярина, съ продувнымъ слугой его Прощелыкою, — что на разныя манеры прикидываться гораздъ былъ.

Вбѣжалъ прежде слуга Прощелыка, весь въ попыхахъ...

Надѣтъ на немъ кафтанъ — кто его знаетъ какихъ только странъ — ни на одной картинѣ, чай, не увидишь, чтобъ такіе кафтаны въ какомъ царствѣ нашивали... Покрой мудреный такой, что и не разберешь порядкомъ, — только и видишь что пестрится въ глазахъ и красное, и синее, и зеленое, — и весь кафтанъ и сзади и спереди — поутыканъ мѣдными чищеными гвоздиками; на головѣ шапка медвѣжья высокая, такая, кажись, теплая, что только бы въ ней околъ ледянаго моря похаживать и то посередъ лютой зимы; а на ногахъ чулки шелковые, тоненькіе да черевички такіе легонькіе, — что развѣ въ нихъ середъ лѣта въ теплой сторонѣ трепака выдѣлывать;... руки не мыты совсѣмъ, а воротничекъ и нарукавнички что снѣгъ бѣлые; въ рукахъ палка, что копье, высокая, а на ней воткнутъ ясный шарикъ, точно яблоко, и зовутъ вишь его Прощелыку въ такомъ нарядѣ — *швецъ-старъ*...

Боярышня Несмѣяна не улыбнулася, да онъ и самъ не взглянулъ на боярышню, а вбѣжавъ впопыхахъ, размахнулъ руками на обѣ стороны и прорычалъ что медвѣдь: «Господа! дайте дорогу Смѣкаю боярину!»

Тутъ уже явился и самъ Смѣкай.

Одѣтъ онъ былъ... какъ бы вамъ сказать... вотъ точно такъ, какъ тѣ изъ молодыхъ щеголей, которые выходятъ съ большихъ пировъ — видать иногда случалося. — Волосы въ скобку, какъ и у нашего брата мужичка, только подлиннѣе да причесаны за ухо; щеки мѣстами выбриты, а бородка все-таки есть, невеликонька и ровно подстрижена; кафтанчикъ въ обтяжку, куцій такой, — спереди вырѣзка, а сзади кафтанъ какъ кафтанъ, — только не нашъ не плохой, — а все статный-таки; сапоги глянцовитые, къ чему слѣдуетъ, ремешками притянуты, — видно за тѣмъ, чтобы не порастерять на ходу; на рукахъ

что снѣгъ перчаточки бѣлые, а въ рукахъ шляпа черная,— да и такая же мудреная, точно колдовская волшебная: встряхонетъ онъ ее — шляпа, какъ слѣдуетъ, а придавитъ — она станетъ что блинъ... кто его знаетъ какъ это онъ и дѣлаетъ!...

Смотритъ на него Несмѣяна боярышня съ большимъ удивленіемъ: не можетъ разобрать она, что это за человѣкъ такой... Французъ ли онъ нѣмецкій, али мужчекъ замоскворѣцкій да по нѣмецкому вырядился... Али такъ какой, совсѣмъ чужой изъ земли невѣданной.

Вошелъ онъ сановито, поклонился ловко; лице у него и пріятное и смѣтливое — точно, какъ у того мальчужечки, который, какъ помните, говорила Несмѣяна отцу, у пчелки хотѣлъ медкомъ попользоваться.

Поклонился онъ; немного на боярыш-

ню посмотрѣлъ, какъ бы подивился — и заговорилъ...

Вотъ тутъ и прислушайся!... Говоритъ тихо, мягко, ласково — такъ вотъ скатертью и стелетъ рѣчь,—и какъ будто совсѣмъ по-нашему, а такія слова приплетаетъ къ своему говору,— что надо, видите, знать всѣ языки книжные — и новые, и старые, и даже весьма стародавніе, чтобы понять хорошенько, о чемъ толкуетъ онъ...

Примѣрно онъ такъ говорилъ:

«Филантропія, такъ сказать, комфортъ сердца, — или фундаментальное единство гуманности, — зависитъ отъ цивилизаціи, каждой абсолютной націи...»

Потомъ опять по-нашему скажетъ рѣчи двѣ, да и опять выкинетъ нѣсколько словъ, Богъ вѣсть, изъ какихъ языковъ.

Тѣ изъ бояръ и выборныхъ, которые

стояли около Несмѣяны боярышни, во все время когда къ ней женихи представлялися, — думаютъ: вотъ чудо-чудное, вотъ диво диковенное!.. Кажется вошелъ какъ бы нашей стороны человѣкъ: такъ-же держитъ себя, также кланяется, — а говоритъ только вполовину по-нашему, а въ половину неизвѣстно покаковски раздобарываетъ! . . . Видно, это штукарь — нѣмецъ какой-нибудь: немножко по-нашему-то понаучился онъ, —хлѣба, воды, или чего другаго съѣстнаго, аль питейнаго можетъ выпросить, а какъ до чего особеннаго дѣло дойдетъ, — онъ и зашеборшитъ посвоему.

Смотрѣла, смотрѣла на Смѣкая Несмѣяна боярышня, слушала, слушала — да какъ захочетъ во всю мочь... да такъ звонко, да такъ долго, — что на-силу уняли; инда у ней, моей голубушки, отъ хохоту слезы на глазкахъ показалися, на-силу духъ перевела; — отъ

роду, говоритъ, смѣшнѣе и чуднѣе ничего не видывала!

Ну! — подумали тутъ себѣ-жъ умѣ бояре и прочіе близко стоявшіе, — ну, видно приворотилъ къ себѣ хитрый нѣмецъ словами заморскими нашу боярышню — вишь какъ заливается, а вѣдь неизвѣстно чему!

—

Такъ-какъ наша Несмѣяна боярышня, извѣстно, разумна была, — то вотъ что наконецъ она боярину Смѣкаю вымолвила:

— «Умѣлъ ты меня разсмѣшить, — значитъ мнѣ за тобою быть; теперь умѣй же меня себя заставить любить...

«Собой ты хорошъ и пригожъ, вижу, что смышленъ, и разуменъ притомъ... только вотъ тебѣ одно изъ двухъ:

Если хочешь бороду носить, то вели ужъ къ этому приличный кафтанъ себѣ сшить; а если въ такомъ, какіе теперь всѣ носятъ, желаешь ходить, — то обриться потрудись; не будь невѣдомой чучелой... А главное еще: если ты говорить станешь со мной, или съ кѣмъ бы ни было, то, буде умѣешь, говори по-иностранному; а если говорить желаешь по-нашему, то словъ иноземныхъ въ свою рѣчь не-вплетай; оно смѣшно-смѣшно, но вѣдь ужъ иногда и скверно становится!

Выслушавши это, бояринъ Смѣкай отвѣтилъ такъ Несмѣянѣ боярышнѣ...

— Жемчугъ ты мой цѣнный, ненаглядая! давно я видывалъ и знавалъ тебя, да много людей разлучали насъ, кишмя — кишали, великую стѣну между насъ ставили... чтобъ добраться къ тебѣ въ-незапримѣту имъ, — я и выучился языку безтолковому; чтобы поморочить

другихъ одѣлся на-двое, — ни нашъ, ни чужой, ни невѣсть какой! — А по настоящему я и не говорю иначе, какъ съ кѣмъ какъ говорить надобно: изъ какой кто земли, тѣми словами съ нимъ и рѣчь веду... А если на счетъ бороды сомнѣваешься, — то..

Какъ рванулъ съ себя Смѣкай поддѣльную бороду — и сдѣлался человѣкъ какъ человѣкъ, какъ и всѣ наши молодые бояричи умные, которые лишними чужеземными прикрасами не портятъ себя.

Отъ удивленья ль, отъ радости ль, еще громче засмѣялась Несмѣяна боярышня; да до того смѣялася, — что съ бархатнаго своего стульчика, гдѣ она сидѣла, жениховъ принимала, какъ скатилась, такъ возлѣ боярина Смѣкая и очутилась.

Тутъ бѣгутъ и отецъ и мать Несмѣяны боярышни; такіе веселые радост-

ные, со своими родичами и прочими знакомыми...

— Ну вотъ, говорятъ, насилу-то наша дочка нашла жениха по себѣ!»

И старушки — тетушки толкуютъ весело своимъ старикамъ — сожителямъ: «а что, вотъ вѣдь и вышло по-нашему!»

И няня боярышни приплелась; да посмотрѣвши, какъ обнимаются женихъ съ невѣстою, не вытерпѣла: отвѣсила имъ обоимъ низкій поклонъ — и взвыла голосно...

«Ахъ, ты моя неоцѣнная!... да какъ это мнѣ съ тобою разставаться-то съ сиротинкою?... да будетъ ли мужъ-то любить тебя, какъ любила я?.. будетъ ли онъ тебя, красавицу, лелѣять такъ?»

И прочее такое причитала няня долго-долго. Когда ее и вывели, она не уня-

лась, и когда какой-то настойкой крѣпкой, отъ печали сдѣланной, поили, — все нескоро отпоили: еще пуще голосила няня старая. — И только тогда уже, говорятъ, успокоилась, когда свадьба совсѣмъ покончилась.

Такимъ-то манеромъ, люди добрые, сошлись бояринъ Смѣкай съ боярышней Несмѣяною.

—

— Давай-же, — говоритъ бояринъ Смѣкай своей невѣстѣ Несмѣянѣ, или, правда, уже теперь женѣ своей, — «давай заживемъ теперь иначе: ты съ угрюмостью своей, а я со своею смышленостью — будемъ вмѣстѣ разбирать на свѣтѣ и дурное и хорошее... Авось во многомъ житейскомъ такой толкъ найдемъ, какого намъ доселѣ и не мерещилось!»

И зажили, и полюбили, говорятъ, крѣпко-крѣпко другъ дружку бояричъ Смѣкай съ боярышней Несмѣяною.

Чего желаю и вамъ молодымъ друзьямъ.

—

И боярышня, правда, теперь боярыня ужъ, Несмѣяна, — для другихъ осталась навсегда боярышней Несмѣяною, а для мужа Смѣкая сдѣлалась навсегда боярыней Миланою.

Будто, видите, въ иностранной землѣ, называли ее боярыней *критикой*; кажется, тутъ что нибудь не такъ: слово незнакомое, ошибка есть... Не боярыней ли ее крикушей, то есть бранчивой назвали, за то, что она на все дурное лю-

битъ еще и теперь окрикъ давать?... А другая рѣчь, и то сказать: что же то за брань, что за дѣло злое, когда кто-нибудь порядкомъ потазаетъ за то, за что слѣдуетъ!...

IX.

Заключеніе,

—

Совсѣмъ было покончилъ, да уже какъ будто къ стати надо прикинуть еще слова два.

На ту же пору, въ эту же свадьбу, пронесся слухъ, что, видите, въ другомъ городѣ, у другаго боярина была

дочь Смѣяна,— и тоже жениховъ смышляла себѣ. — И тое, въ иностранной землѣ, прозвали тѣмъ же имянемъ, какъ и Несмѣяну боярышню; но только та была инаго херактеру: та бывало что ни увидитъ — дурное ль, хорошое ль— надо всѣмъ покатываться со смѣху...

Сперва за веселость ея дѣвичью всѣ было полюбили ее, за ея острый умъ всѣ вѣру дали, — что смышленая Смѣяна боярышня во всемъ знаетъ толкъ, горазда все и взвѣсить и вымѣрять, и умѣетъ всему обозначить цѣну...

А далѣе, какъ пошла она все смѣяться да тѣшиться, да скалозубить надо всѣмъ, сколько ей хотѣлося, — тогда ея смѣхъ и потѣха перестали вдругъ многимъ нравиться... И болѣе отъ того стало такъ, что начала Смѣяна и надъ тѣмъ трунить, надъ чѣмъ трунить бы не слѣдовало, и на что многіе люди степенные смотрѣли съ правымъ тол-

комъ, какъ на золото неподдѣльное. — Иныхъ даже за чужое издѣлье, ни за что осмѣянное, стало зло разбирать на Смѣяну боярышню.

Что же вышло?... И сама Смѣяна попала въ просакъ: пересмѣять-то ее хотя никто не пересмѣялъ, — а однако жъ всѣ ее забыли, оставили... И если кто порой заводилъ рѣчь про нее, то не называлъ уже ее боярышней; а такъ, говоритъ, она — плясунья канатная!

А жалко: куда была и впрямь хороша сперьва Смѣяна боярышня... такая шалунья — игрунья, свѣженькая, румяненькая... Чтобы ей немного поудержаться, знать бы, надъ чѣмъ надо смѣяться, — да и смѣяться-то бы съ толкомъ и съ разстановкою...

—

Что лучше, или что прочнѣй дѣльнѣй, люди добрые?... Не знаю-какъ по-вашему, а вотъ такъ бы кажись по-мо-

ему: хоть *смѣяться не грѣшно надъ тѣмъ, что смѣшно*, — однако неладно же все черезъ мѣру пересмѣивать: много враговъ себѣ на живешь такимъ смѣхомъ своимъ... А вѣдь и это тоже неладно: на все на свѣтѣ надувшись глядѣть, во всемъ видѣть одно грустное, темное и не замѣчая, что есть на свѣтѣ и свѣтлое и веселое...

Чтобы остаться у добрыхъ людей въ хорошемъ поминѣ, по мнѣ дѣлать середку на половинѣ: смѣяться — не на смѣхаючись, добраго добиваючись... И если охуждать что, то дѣльно охуждать: чтобы можно было послѣ — спасибо сказать!...

—

Кончивши рѣчь, али сказку свою, старичекъ Пахомъ повѣсилъ голову, и задумался... Потомъ всталъ съ лавки и вымолвилъ, кланяясь на обѣ стороны...

«Простите! не осудите меня, вы, братцы—товарищи—вы, люди добрые, разумные, и вы—весь людъ честной,—что въ мою избу сказокъ слушать прихаживали...

Можетъ я, шутя да балагуря, на моемъ вѣку обидѣлъ кого, сказалъ что-нибудь порою неладное. . . Не осудите меня, старика!...

Скажу ли я еще когда новую сказку вамъ — невѣдомо. . . Не по-себѣ что-то стало; — видно ужъ лѣта подошли...

Прощайте! спокойной ночи, мои милостивцы!...

Да и я спать залягу, погася свѣтецъ; мнѣ старику отдыхъ, а моей сказкѣ...

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. Кто такое боярышня Несмѣяна была. 13

II. Какъ отецъ боярышни Несмѣяны пожелалъ, чтобы она усмѣхнулася. . . 21

III. Какъ боярышня Несмѣяна не усмѣхнулася. 28

IV. Веселѣе ли стала Несмѣяна боярышня. 36

V. Какъ два хитреца старались расмѣшить Несмѣяну боярышню. 47

VI. Другой уговоръ, какъ разсмѣшить Несмѣяну боярышню. 61

Стран.

VII. Какъ женихи опять старалися разсмѣшить Несмѣяну боярышню. . . . 72

VIII. Кто же и чѣмъ разсмѣшилъ Несмѣяну боярышню. 87

IX. Заключеніе сказки всей. 100

кинистъ"
Клочковъ
тейный, 55.
етербургъ.

Цѣна: 75 коп. Сер.

LIBRARY OF CONGRESS
0 002 527 947 5